

родные территории и природные территории, подлежащие специальной охране, национальная экологическая сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы (включая водно-болотные угодья), климат, естественные экологические системы, иные природные объекты, а также право природопользования»; дополнить ст.1 «Основные термины, используемые в настоящем Кодексе, и их определения» Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. №149-3 юридическим определением водно-болотных угодий.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Руководство по Рамсарской конвенции: справочник по осуществлению Конвенции о водно-болотных угодьях (Рамсар, Иран, 1971 г.). – 4-е изд. – Секретариат Рамсарской конвенции, Гланд, Швейцария, 2006. – 150 с.
2. Кумари, Э. Водно-болотные угодья международного значения и изучения водоплавающих птиц / Э Кумари // Водно-болотные угодья и водоплавающие птицы / АН ЭССР, Ин-т зоологии и ботаники. – Таллин: Валгус, 1987. – 127[1] с.
3. Виноградов, В.Г. Охрана местообитаний водно-болотных птиц / В.Г. Виноградов, Н.Н. Скокова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.birdsbb.ru/sec/sec0.html>.
4. Экосистемы и благосостояние человека: водно-болотные угодья и водные ресурсы. Синтез: доклад об оценке экосистем на пороге тысячелетия. – Ин-т мировых ресурсов, Вашингтон, США, 2005. – 68 с.
5. Экологическое право: учеб. пособие / С.А. Балащенко [и др.]; под ред. Т.И. Макаровой, В.Е. Лизгаро. – Минск: БГУ, 2008.
6. Конституция Республики Беларусь : конституция Респ. Беларусь, 15 марта 1994 г., №28-75-XII (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996 г., 17.10.2004 г.) : в ред. Решения респ. референдума, 17 нояб. 2004 г., №1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – №1. – 1/0; 2004. – №188. – 1/6032.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь : кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3: в ред. Закона Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 308-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 25.07.2015. – 2/2306.
8. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2010 г., №169-3: в ред. Закона Респ. Беларусь, 31 дек. 2014 г., №227-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 10.01.2015. – 2/2225.
9. Кодекс Республики Беларусь о земле: Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь, 31 дек. 2014 г., №230-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 09.01.2015. – 2/2228.
10. Водный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 30 апр. 2014 г., № 149-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 20.05.2014. – 2/2147.
11. Лесной кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 14 июля 2000 г., № 420-3: в ред. Закона Респ. Беларусь, 22 дек. 2011 г., № 326-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – 2/1878.
12. О животном мире: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3: в ред. Закона Респ. Беларусь, 22 янв. 2013 г., № 18-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 25.01.2013. – 2/2016.
13. О растительном мире: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3: в ред. Закона Респ. Беларусь, 22 янв. 2013 г., №18-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 25.01.2013. – 2/2016.

Материал поступил в редакцию 11.10.15

RECHITS E.V. The form of ownership of Wetlands

The article is devoted to questions of ownership of the wetlands. The author attempts to relate the content of the ownership of wetlands ownership of the components that make wetlands (land, water, flora and fauna, forests). As a result of the study author suggests some changes and additions to the legislation of the Republic of Belarus on protection of the environment, protection and use of land, protection and use of water.

УДК 304.5

Айзенштадт А.Л.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ КИТАЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Введение. Величественный и таинственный Китай, загадочная «китайская душа» будоражит умы лучших ученых уже несколько столетий. Этот интерес неизмеримо возрос после впечатляющего рывка, который совершил Китай в XXI веке, выйдя на ведущие позиции в мировой экономике. Большинство исследователей согласны с тем, что успехи Китая во многом связаны с национальным характером китайцев, особенностями их менталитета. Попробуем проанализировать, под влиянием каких социокультурных и исторических факторов сформировалась ментальность китайского народа.

В значительной степени национальный характер китайцев сложился в специфических условиях китайско-конфуцианской цивилизации как варианта развития восточного общества. Для общества восточного типа, как известно, характерны:

- акцент на традиции;
- преобладание циклического развития;
- тесная связь человека, общества и природы;
- коллективные, общинные формы жизни и труда;
- преимущественно вертикальные связи в обществе;
- доминирование государственной собственности;
- деспотический характер государства, которое подавляет общество и личность;
- сословно-кастовое деление общества;

- духовность, идеализм как характерные черты общественного сознания;
- религиозно-этические способы регуляции поведения индивида [1, с. 211].

Китайская цивилизация, как и другие речные цивилизации Востока, отличалась жесткой зависимостью от природно-климатических условий.

Китайскому крестьянину приходилось трудиться круглый год практически без отдыха. Ведь даже на севере страны в конце февраля – начале марта начинается подготовка к весеннему севу, а последние полевые работы завершаются только в ноябре. На юге же, где собирают до 3 урожаев в год, передышка для крестьянина вообще сводилась к минимуму – не более 3–4 недель, приходящихся на традиционный Новый год по аграрному календарю. Следует также учесть, что многотысячелетняя аграрная цивилизация истощила почву настолько, что без упорного труда (искусственного полива, внесения органических удобрений, борьбы с сорняками и пр.) китайский крестьянин оказался бы перед лицом голодной смерти [2, с. 2–3].

Ограниченное количество полезных ископаемых, частые стихийные бедствия, необходимость возведения гигантских ирригационных и оборонительных сооружений требовали объединения усилий тысяч и даже миллионов людей, повышали значимость дисциплины, коллективизма, обуславливали деспотический характер госу-

Айзенштадт А.Л., кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры общенаучных и гуманитарных дисциплин Гомельского филиала Международного университета «МИТСО».

Беларусь, г. Гомель, пр-т Октября, 46а.

дарства как демиурга общественных процессов.

Исследователи отмечают, что «управляемый ваном-царем и огромной массой иерархически организованного чиновничества, Древний Китай являет собой пример типичной восточной деспотии» [3, с. 41]. Государство подчиняло себе общество, стояло над человеком, контролировало все общественные процессы, само оставаясь бесконтрольным. Государство опиралось непосредственно на силу и практически не было стеснено никакими формальными правилами. Государственная машина была обезличена, большинство решений носило анонимный характер, от чиновников требовалось только подчинение.

Деспотизм власти опирался на государственную собственность, прежде всего на землю. Государство, власть были верховными собственниками всего, прежде всего земли. Специалисты в этой связи говорят о феномене «власть-собственность». Принадлежность к власти (должность) опосредованно давало право на собственность, но это не была частная собственность. Понятие частной собственности вообще отсутствовало. Речь могла идти лишь о коллективном праве (общины, корпорации) на пользование ресурсами [4, с. 71–74].

Важнейшим элементом социального устройства в Китае была община. Интересы личности в общине были полностью подчинены интересам коллектива, который определял все стороны жизни своих членов: от норм сексуального поведения до принципов организации хозяйственной деятельности. Социальные роли в общине были жестко закреплены и ритуализированы. Каждый должен был знать свое место (о чем впоследствии писал Конфуций). Поскольку община была многофункциональна, она являлась самодостаточной и тяготела к автаркии, замкнутости, минимизации внешних связей.

Социальные связи в китайском обществе носили преимущественно вертикальный характер и были замкнуты на властных структурах. Горизонтальные, независимые от власти, связи между общинами практически отсутствовали. Император считался сыном Неба, его особа была священной. Бюрократия, управляющая от его имени, играла колоссальную роль. Общество было предельно иерархично.

Важнейшей чертой китайского общества было стремление к стабильности, консервация общественных отношений, традиционализм. Традиция, апробированная опытом многих поколений, канонизировалась как высшая общественная ценность. Здесь не было места для конфликта «отцов и детей». Молодежь с уважением относилась к старшим, чей авторитет был очень велик.

Развитие в китайском обществе носило циклический характер. В истории Китая можно выделить несколько стадий в пределах одного цикла:

- укрепление государства, усиление централизованной власти;
- кризис власти, отступление перед центростремительными силами;
- упадок власти, ослабление государства;
- социальная катастрофа, коллапс, в ходе которого в результате народного восстания или нашествия иноземцев происходит полная смена власти [5, с. 5–8].

А потом начинался новый цикл.

При этом массовые движения и восстания («краснобровых», «желтых повязок» и др.) не были направлены против системы. Их главная причина – произвол власти, нарушение принципов социальной справедливости, признанных в обществе норм. Мечта восставших – ликвидировать нарушения и вернуть утраченную норму. Эти движения не создавали новой системы, они были признаком сбоев в системе, которая после кризисов восстанавливалась с небольшими изменениями.

Именно на стадии социальной катастрофы, в условиях нестабильности, когда государственная организация была серьезно ослаблена, происходили наиболее активные изменения. В условиях стабильности общество тяготело к неизменности, воспроизводству уже существующего, привычного.

И все-таки в китайской цивилизации можно обнаружить черты, нетипичные для стандартного застойного восточного общества. Так, например, цикличность китайской истории диалектически соединяла в себе элементы консерватизма и новаций. Китайскую историю можно изобразить в виде пружины, где каждый виток – это один цикл развития, шаг от одного витка к другому – поступательное движение. Китайская история, при всей цикличности, – это не только и не столько движение по кругу, но и движение вперед.

Динамизм китайского общества состоял в том, что, несмотря на медленность развития, оно имело богатейшую духовную жизнь,

высокоразвитые философию, искусство, науку, поражающие мир открытия. Китайская цивилизация, как известно, дала миру шелк, ткацкий станок, порох, металлургию, бумагу, компас и многое другое.

Интересной особенностью китайского общества, нетипичной для цивилизаций восточного типа, была довольно высокая социальная мобильность, связанная прежде всего с формированием класса чиновников.

М. Лёве в книге «Китай династии Хань. Быт, религия, культура» пишет, что с начала ханьского периода разрабатывалась система отбора подходящих кандидатов, которые могли бы служить в государственных учреждениях. В вердикте 196 года до н. э. правителям областей и царств предписывалось направлять подходящие кандидатуры в столицу, где они проходили испытания и затем назначались на соответствующие их способностям посты. Экзамены обычно принимали высшие гражданские чиновники, а в заключение испытываемые представляли перед императором, который задавал им вопросы и оценивал ответы.

Теоретически путь к карьере государственного служащего был открыт для любого члена общества. Рассказывают, что примерно в 120 году до н. э. один впоследствии известный чиновник разводил свиней, чтобы накопить деньги для обучения. Благодаря своим способностям он сделал блестящую карьеру, став главным советником императора. Известно множество случаев, когда добивались значительного положения люди из сельской местности или из провинциальных городов [6, с. 37].

Такой меритократический, если так можно выразиться, подход, способствовал формированию у китайцев культа знаний, образования, профессионализма, поощрял активность и инициативность.

Вообще китайскому менталитету, в отличие, скажем, от индийского, не свойственны мистицизм и акцентированная сосредоточенность на абстрактных духовных проблемах. Китайца всегда больше интересовали практические вопросы устройства жизни в реальном мире, принципы управления государством, правила поведения в обществе.

Сопоставим, например, особенности индийской и китайской философии. Характерные черты древнеиндийской философии: рассмотрение мира как Единого; идеализм философских построений; обращенность философии внутрь человека; ориентация на потустороннее существование; элементы мистики. Древнекитайской философии, в свою очередь, свойственны: рассмотрение мира как борьбы противоположных начал; реализм философских построений; социальная направленность философии; ориентация на жизнь в этом, земном мире; рационализм [7, с. 17–18].

Первые философские представления китайцев мифологичны. В центре этих представлений – безличное, но всевидящее Небо, которое управляет всем ходом событий во Вселенной. Небо всезнающее и всемогущее, милосердно и справедливо, оно благожелательно и заслуживает доверия, на него можно положиться, но в то же время его следует бояться, ему нужно следовать и подчиняться.

В основе мира пять первоначал, считали китайцы, – вода, огонь, дерево, металл, земля. Пятеричность лежала в основе всеобщей классификации вещей, которая связывала воедино физический мир и все стороны человеческой деятельности: пять благ (долголетие, богатство, здоровье, добродетель, естественная смерть), пять добродетелей, пять чувств, пять цветов, пять искусств, пять характеров человека и т.д. Пятичастная космологическая модель свидетельствовала о стремлении китайцев к упорядочиванию и рациональному истолкованию действительности.

Вместе с тем в мире есть две противоположные и в то же время сотрудничающие силы – ян и инь. Являясь основной (фундаментальной) моделью всего сущего, концепция инь-ян объясняет природу мира, в котором все взаимосвязано, постоянно меняется, а противоположности взаимодополняют друг друга (не может быть черного без белого, и наоборот). Целью человеческого существования, таким образом, является баланс и гармония противоположностей. Не может быть никакой «окончательной победы», ибо нет ничего окончательного, нет конца как такового. Концепция инь-ян свидетельствовала о гибкости, диалектичности мышления китайцев.

Огромную роль в становлении китайского менталитета сыграли великие мудрецы – Конфуций и Лао-цзы.

Конфуцианство особое внимание уделяло отношениям между людьми, обществом и государством. Государство, считал философу, – большая семья, где каждый должен знать свое место (Цзы-гун

спросил учителя об управлении государством. Кун-цзы ответил: «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном»).

Конфуций исповедовал правило «золотой середины», считал, что нужно избегать крайностей в поведении и управлении. Акцент делался на воспитание, убеждение, соблюдение традиций: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится».

Идеальный субъект – «благородный муж» – должен, по Конфуцию, обладать определенными нравственными качествами:

- жэнь («человеколюбие»): «Цзы-гун спросил: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» Учитель ответил: «Это слово взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе»;
- сяо («сыновья почтительность»): «Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям – основа человеколюбия... Если при жизни отца следовать его воле, а после его смерти следовать его поступкам..., то это можно назвать сыновней почтительностью». Речь идет об уважении ко всем старшим и вышестоящим: сын должен чтить отца, жена – мужа, подчиненные – начальника, подданные – императора;
- ли («исполнение церемоний») – соблюдение традиций. Конфуций опирался на культ предков, он считал необходимым сохранять исконные устои общества, соблюдать старинные обряды, церемонии, традиции, ритуалы, которые следовало закрепить в качестве норм общественной жизни.

Кроме того, «благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду; благородный муж движется вверх, низкий человек движется вниз, благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к другим» [8, с. 636–639, 647, 661, 667, 670].

Со временем конфуцианство и государство сливаются в единую политико-административно-идеологическую систему, которая и сейчас занимает ведущие позиции в китайском обществе.

Одной из ведущих философско-религиозных систем Древнего Китая являлся даосизм (основатель – Лао-цзы). Каждый китаец, будучи в социальном плане конфуцианцем, в душе, подсознательно, всегда немного даос.

Центральное понятие даосизма – «дао» многозначно. Это путь, по которому ходят люди, закон, который они должны соблюдать, первооснова мира. Дао противоречиво, оно все и ничто. Дао никто не создал, все происходит от него и все в него возвращается. «Человек зависит от земли, земля от неба, небо от дао, а дао от себя самого».

Надо исповедовать, считал Лао-цзы, принцип «увэй» – недеяние. И это не проповедь пассивности, а учение о «деянии через недеяние». Задача человека – постигнуть дао и следовать ему. Пусть все идет в соответствии с дао, своим чередом, без всяких усилий, потому что естественный закон побеждает сам собой, без вмешательства человека. Чрезмерная активность и суета, самонадеянность, насилие над природой обречены на неудачу. «Когда человек дойдет до не-делания, то нет того, что бы не было сделано».

Принцип «у-вэй» применим и к государственному управлению, которое, по мнению Лао-цзы, не должно быть излишне навязчивым и агрессивным: «Когда множатся законы и приказы, растет число воров и разбойников». Управление должно быть естественным и незаметным: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает» [9, с. 182–184, 188].

Повлияли на складывание национального характера и другие китайские философы. Так, Мо-цзы, основатель моизма, утверждал (несколько наивно) всеобщую взаимную любовь как принцип отношения между людьми, предлагал пользу в качестве критерия истины. Мэн-цзы, в свою очередь, полагал, что человеку должны быть изначально присущи гуманность, справедливость, благопристойность и разумность. Сунь-цзы своим трактатом «Искусство войны» способствовал вызреванию в китайской ментальности диалектики верности и обмана, силы и слабости, воинственности и миролюбия. Чжуан-цзы учил, что не следует искать выгоды в вещах и ценностях, а надо думать о душе и покориться судьбе. А Шан Ян сформулировал принципы легизма,

который рекомендовал в управлении государством опираться на закон и жесткое принуждение к его выполнению [10].

Так сложилась китайская концепция управления как искусство мягко и ненавязчиво (а когда надо – жестко и решительно), но, главное, уместно и эффективно воздействовать на общественные процессы.

Значительное влияние на формирование китайского национального характера оказал трактат «36 стратагем», которому около 2500 лет. Швейцарский ученый Х. фон Зенгер определил стратагемы (на китайском языке «цзи») как неортодоксальные пути к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей [11, с. 11–12]. Китайские мудрецы пришли к выводу, что человек в течение жизни сталкивается с 36 «стандартными» ситуациями, для обеспечения успеха в каждой ситуации и были выведены стратагемы (план, уловка, хитрость), например: «Заманить тигра с горы на равнину», «Скрывать за улыбкой кинжал», «Убить курицу, чтобы запугать обезьяну», «Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров», «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик», «Поднять шум на востоке, чтобы напасть на западе», «Прикидываясь безумным, сохранять рассудок» и др.

Стратагемность мышления относится к характерным особенностям китайской цивилизации, является достижением ее философской и политической мысли, стала частью национального менталитета и широко используется в различных сферах: от быта и семьи до бизнеса и дипломатии.

Возникает вопрос о моральности стратагем, их совместимости с нравственными принципами конфуцианства. Здесь следует иметь в виду, что «36 стратагем» – это, прежде всего, военный трактат, а в китайской картине мира жизнь – это война, а война – это модель жизни. Китайское отношение к хитрости и обману в межличностных коммуникациях отнюдь не тождественно моральному релятивизму и вседозволенности. Использование стратагемной тактики в низких и недостойных целях осуждалось конфуцианскими учеными еще в древнем Китае. Моральное оправдание стратагемности в том, что она базируется на принципах непрямых действий, ненасилия и избегания конфликтов, когда прилагаются все усилия для разрешения любой ситуации мирным путем и извлечения выгоды обеими сторонами, даже тогда, когда одна из них остается проигравшей.

Хотелось бы обратить внимание еще на один фактор формирования китайского менталитета – лингвистический. Вряд ли есть еще в мире народ, чей язык (и прежде всего – письменность) оказывает столь большое влияние на национальный менталитет. Не случайно обращаясь к другому человеку, китаец вместо «господин» говорит «учитель». Специфическая иероглифическая письменность объединила китайский этнос и отгородила его от остального мира. Трудоемкое и длительное изучение тысяч сложных иероглифов, искусство каллиграфии формировали такие присущие китаец качества, как терпение, настойчивость и целеустремленность.

В заключение попытаемся кратко охарактеризовать наиболее значимые черты китайского менталитета [подробнее см. 12]:

- традиционность. Ментальность китайцев базируется на многовековых традициях, ритуалах и правилах. Духовное наследие Конфуция и Лао-цзы для жителей Китая не просто «философские памятники», а неукоснительное руководство к действию. Современный китайский философ Ли Цзехоу пишет: «Традиции стали моделью нашего поведения и чувств, вошли в нашу плоть и кровь» [цит. по: 13, с. 180];
- консерватизм, вытекающий из традиционализма, тяга к покою, нелюбовь к переменам («Не приведите вам жить в эпоху перемен» – эти слова Конфуция широко цитируются), осторожное отношение ко всякого рода новациям;
- пластичность национального характера, парадоксальным образом сочетающаяся с традиционностью. Исследователи отмечают огромные адаптационные возможности китайского генотипа: усваивая чужую, пришлую культуру, китайцы тем самым освещали, укрепляли, сохраняли неизменным дух китайской культуры, приспособлявая новое к потребностям своего общества;
- коллективизм, связанный с исключительной ролью, которую всегда играли в стране община и коллективный труд. Скуденность проживания и постоянное окружение отдельного индиви-

дуума множеством себе подобных также способствовали подавлению индивидуалистических черт характера;

- безоговорочное уважение и подчинение старшим по возрасту и званию (в соответствии с конфуцианским принципом «сяо»), дисциплинированность и ответственность;
- трудолюбие, традиционно присущее китайскому крестьянину, склонявшемуся, стоя по колено в воде, за каждым росточком риса, привычка к тяжелому, упорному труду, ставшая основой экономического рывка Китая в XXI веке;
- предприимчивость, умение не только произвести, но и продать товар. Китай – родина товаров и продавцов. Одна из наиболее удивительных способностей китайцев – превращать что угодно в товар. Торговая экспансия Китая, против которого не может устоять ни одна страна в мире, опирается на деятельность 10 миллионов мелких частных предприятий, поддерживаемых государством;
- неприхотливость, умеренность, скромность, приспособляемость. Китайцы испокон веков довольствовались тем, что имели, стараясь добыть минимум для пропитания в условиях тяжелой борьбы за существование. «Рис и овощи для еды, вода для питья, да голова на плечах – вот, что необходимо мне для счастья», – говорил Конфуций;
- взаимные внимание, поддержка и помощь, воспитанные веками борьбы за существование. Интересно, что когда китайцы здороваются, то говорят: «Ни цзинтянь чифаньлэ ма?», что в переводе значит: «Вы сегодня ели?». Такая форма приветствия указывает на общее голодное прошлое и заботу, которую китайцы проявляли друг к другу;
- патриотизм, уверенность в том, что китайское – самое лучшее. высокая самооценка (проявление любых изолированных культур). Китайцы называют свою страну «Чжунго» – «Срединное государство». Китай, традиционно полагают они, находится в центре мира и окружен варварами. В то же время китайцы в целом лояльны по отношению к представителям других наций, за исключением, пожалуй, японцев и американцев, гостеприимны, в основном миролюбивы и доброжелательны;
- стойкость, терпение, спокойствие, невозмутимость. «Какое бы несчастье ни разразилось над его домом, китаец не падает духом, а продолжает с прежним упорством свою повседневную работу, сохраняя на своем лице то странное, мистическое выражение, которое напоминает выражение лица будд, наполняющих здешние храмы и монастыри» [14, с. 327], – говорится в книге «Жизнь и нравы старого Китая», написанной в начале прошлого века;
- рационализм, прагматизм, практичность. Ключевым словом для китайца во все времена было слово «польза». Они малорелигиозны, не витают эмпиреях, им чуждо абстрактное теоретизиро-

вание. Китайцы решают конкретные, практические проблемы, рассчитывают до малейших деталей наиболее экономный путь для достижения своих целей.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что китайский менталитет сложился под влиянием особенностей восточного общества, природно-климатических условий страны, циклического характера китайской истории, духовного наследия Конфуция, Лао-цзы и других мудрецов. Значимыми чертами китайского менталитета являются традиционность, коллективизм, трудолюбие, уважение к вышестоящим, патриотизм, практичность и др. Национальный характер сыграл значительную роль в успехах современного Китая.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социология: учебное пособие / А.Л. Айзенштадт. – Гомель: ГФ УО ФПБ «МИТСО», 2002. – 252 с.
2. Ли, Иннань. Китайцы и природа: О некоторых особенностях китайской ментальности / Иннань Ли [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.laoshi2.ru/?page_id=692 – Дата доступа: 04.08. 2015.
3. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1996. – 576 с.
4. Васильев, Л.С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация / Л.С. Васильев. – М.: КДУ, 2011. – 206 с.
5. Непомнин, О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII - начало XX века / О.Е. Непомнин. – М.: Вост. лит., 2005. – 712 с.
6. Лёве, М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура / М. Лёве. – М.: Центрполиграф, 2003. – 224 с.
7. История философии: пособие для студентов вузов / А.Л. Айзенштадт, А.П. Смолина. – Минск: Тесей, 2006. – 176 с.
8. Антология мировой философии: Древний Восток / Ю.Г. Хацкевич. – Мн.-М.: Харвест: АСТ, 2001. – 874 с.
9. Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – 576 с.
10. Антология древнекитайской философии / Ян Хин-шун. – М.: Принт, 1994. – 254 с.
11. Зенгер, Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать: в 2 т. / Х. фон Зенгер. – М.: Эксмо, 2004. – Т.1. – 512 с.
12. Спешнев, Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. – М.: Каро, 2011. – 336 с.
13. Сюй Х. Особенности китайского национального характера / Х. Сюй // Молодой ученый. – 2011. – №3. – Т.2. – Ч. 1. – С. 180–181.
14. Макгован, Д. Жизнь и нравы старого Китая / Д. Макгован, И. Коростовец. – М.: Русич-М, 2003. – 496 с.

Материал поступил в редакцию 06.10.15

AIZENSHTADT A.L. Sociocultural bases of the Chinese mentality

Chinese mentality was formed under the influence of features of Eastern society, the natural and climatic conditions of the country, the cyclical nature of Chinese history, the spiritual heritage of Confucius, Lao Tzu, and other sages. Significant features of Chinese mentality are: traditionalism, collectivism, hard work, respect for superiors, patriotism, practicality, and others. The national character has played a significant role in the success of modern China.

УДК 341.217(4)

Ипатова О.В.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ИЗ ИСТОРИИ КОНЦЕПЦИИ

Актуальность института местного самоуправления определяется реализацией такого демократического принципа, разделяемого всеми государствами-членами Совета Европы, как право граждан на участие в управлении государственными делами. Регионы, управляемые представителями, избранными всеобщим голосованием и наделенными реальными полномочиями, по мнению государств-членов ЕС, способствуют осуществлению этого права и обеспечивают такое управление, которое является одновременно эффектив-

ным и приближенным к гражданину.

В научных публикациях по проблеме самоуправления представлен достаточно широкий спектр взглядов, отражающих различия, порой существенные, в содержательной трактовке этого ставшего снова модным понятия. В одних случаях эти различия обусловлены спецификой узкопредметного анализа проблемы, не позволяющего правоведам, политологам, экономистам и другим подниматься на уровень сущностного обобщения явления, в других – связаны с ак-

Ипатова Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.